

Если пользоваться теми синонимическими соответствиями, которые диктует роман, то «европеизм» Ивана есть прежде всего атеизм и «идеал содомский» (наиболее ярко выражен в «Великом инквизиторе»); «народные начала» Алеши — всра и «идеал мадонны», а Мите («непосредственной» России) остается выбрать между ними.⁴ В идейном отношении Митя, самый «живой» и «непосредственный» из трех братьев, занимает центральное положение. Таково его положение и в композиции известной нам части романа. Митя, в сущности, есть брат средний.

Очевидное желание свести полюсы к максимальной близости заставило Достоевского сделать Ивана и Алешу единоутробными братьями. Стремление наделить выбор Мити авторитетом объективности побудило автора подчеркнуть отделить этого героя от двух других сыновей Федора Павловича. Но вторая цель (поставить Митю между ними), казалось бы, не совместимая с первой, здесь тоже достигается.

Это происходит благодаря «странным», но очень характерным оговоркам, которые делают герои этого романа, говоря о братьях Карамазовых. Так, слово «старший» в последней книге связывается не с Митей, а с Иваном. Григорий в своих показаниях свидетельствует, что «малый (Смердяков, — В. В.) был со способностью, да глуп и болезнью угнетен, а нуще безбожник и что его безбожеству Федор Павлович и старший сын учили» (10, 198). Речь идет об Иване, а не о Мите. Затем говорит прокурор: «Но старший брат подсудимого (об Иване, — В. В.) объявил свое подозрение только сегодня, в болезни, в припадке бесспорного умоисступления и горячки» (10, 252). «Он, — говорит рассказчик, передавая слова прокурора, — представил его (Смердякова, — В. В.) человеком слабоумным, с зачатком некоторого смутного образования, сбитого с толку... и испугавшегося иных современных учений... широко преподанных ему практически — бесшабашною жизнью покойного его барина, а может быть, и отца, Федора Павловича, а теоретически — разными странными философскими разговорами с старшим сыном барина. Иваном Федоровичем» (10, 252—253). «Когда старший сын Федора Павловича, Иван Федорович, перед самою катастрофой уезжал в Москву» и т. д. (10, 254).

Итак, Иван — «старший сын» и «старший брат» из трех братьев Карамазовых. Само по себе это обстоятельство еще ничего не означает. Но оно становится важным, если учесть, что Иван не только «старший», но и «умный» брат. О необыкновенном уме Ивана, образованности и учености его читатель узнает с первых слов об этом герое. В дальнейшем повествовании ум Ивана обнаруживается настолько, что у читателя не может возникнуть никаких сомнений на этот счет.

Об Алеше же (младшем) говорят разное, но среди прочего (и тоже с первых же слов) — «человек странный, даже чудак» (9, 9); из людей «вроде как бы юродивых» (9, 29); затем просто — «юродивый» (9, 241). Повествователь допускает, что найдутся люди, которые скажут про Алешу, что он «туп, неразвит, не кончил курса» (т. е. что он и неумен и необразован), скажут, что «туп или глуп» (9, 36). И действительно, впоследствии так говорят: например, Ракитин (9, 440). Варвара Николаевна Снсгирева прямо и в присутствии Алеши говорит о нем «дурак»: «...какой-нибудь дурак придет, а вы срамите!» (9, 252).

⁴ Здесь (и в некоторых других случаях) мы берем за данное то, что само по себе требует доказательств. Но мы их опускаем, так как они заняли бы иногда большие места, чем то, что нас прямо интересует.